

УДК 94(495).01
DOI 10.52452/19931778_2022_4_34

ВОИНСКИЙ МЯТЕЖ 602 г. И УЗУРПАЦИЯ ФОКИ: ВОСТОЧНОРИМСКАЯ АРМИЯ ПЕРЕД ПРОБЛЕМОЙ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЫБОРА

© 2022 г.

А.Д. Назаров

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург

andrey.nazarov451@gmail.com

Поступила в редакцию 06.12.2021

Анализируются действия армии, восставшей во Фракии против византийского императора Маврикия в 602 г. Предметом исследовательского внимания стали причины мятежа, а также взаимоотношения бунтовщиков с кандидатами на императорский трон. Автор, помимо греческих источников, привлёк сочинения ближневосточных авторов. Это позволило уточнить последовательность событий, происходивших в Византии во время политического кризиса осенью 602 г.

Ключевые слова: Восточная Римская империя, Византия, византийская армия, воинский мятеж.

Введение

Свержение и гибель императора Маврикия в 602 г. неоднократно назывались переломным моментом в истории Восточной Римской империи и даже точкой водораздела между Античностью и Средневековьем [1, с. 129–132; 2, р. 315–317]. Такой взгляд небезоснователен, поскольку упомянутое событие стало первым в череде острейших политических кризисов, которые настигли Византию в VII в. и обусловили колоссальные изменения во всех сферах жизни империи. К тому же, как отметил У.Э. Кэги, мятеж 602 г. стал поворотным событием в византийской военной истории. Этот бунт оказался первым случаем, когда вмешательство армии оказало серьезное влияние на судьбу императорского трона [3, р. 118–119].

Все тот же У.Э. Кэги главным фактором, приведшим к восстанию, назвал солдатскую недисциплинированность, вызванную задержками жалования и некомпетентностью начальства [3, р. 101–119]. М. Уитби воздержался от столь категоричных оценок. Он заметил, что мятежники действовали осторожно, пытаясь договориться с другими силами в Византии, недовольными императором [4, р. 165–169]. Среди работ, посвященных падению Маврикия (582–602) и узурпации Фоки (602–610), следует назвать монографию Д. Олстера. Роль армии в событиях 602 г. рассматривалась им эпизодически. Автор в главной мере проявлял интерес к противоречиям внутри сената и борьбе между константинопольскими цирковыми фракциями, поскольку именно жители византийской столицы сыграли наиболее важную роль в свержении

императора [5]. Несколько большее внимание участию вооруженных сил в политическом кризисе 602 г. уделил Р. Пфайльшифтер. Он также отводил армии второстепенное значение в этих событиях и при этом назвал восставшее войско «хаотическим сборищем» во главе со случайным лидером Фоккой [6, S. 252–293].

Такое суждение Р. Пфайльшифтера представляется спорным. Несомненно, внутренняя иерархия и корпоративная идентичность должны были удерживать армию от погружения в хаос анархии. Представленная статья фокусируется исключительно на действиях войска, восставшего против Маврикия в 602 г. События в самом Константинополе будут рассмотрены лишь в связи с их влиянием на окончательный политический выбор мятежной армии. Нет оснований сомневаться в том, что решающую роль в свержении императора сыграла цирковая фракция прасинов, а не солдаты. Тем не менее протесты в армии и в византийской столице начинались изолированно друг от друга, что дает основание для обособленного анализа перипетий воинского бунта. Следует уделить особенное внимание трудам ближневосточных авторов, которые позволяют уточнить последовательность событий. Кроме того, они дают возможность изучить, каким образом происходила самоорганизация восставшей армии.

«Неудачливость» Маврикия и «беззаконие» Фоки: проблема интерпретации источников

Наиболее подробные сведения об армейском восстании 602 г. содержатся в сочинении Феофилакта Симокатты. Важно, однако, учитывать,

что писал он свой труд при Ираклии (610–641), который пришел к власти, свергнув Фоку. Будучи таким же узурпатором, Ираклий нуждался в упрочении легитимности собственной власти, вследствие чего в официальной пропаганде начал формироваться негативный образ низложенного предшественника. Фока стал жертвой *damnatio memoriae*, что отразилось на оценке его личности в труде Феофилакта Симокатты, где он именовался не иначе, как «тираном» [5, p. 1; 7, S. 160–173].

Ф. Бут отметил, что Феофилакт стремился представить трагедию Маврикия неизбежной. Он акцентировал внимание на том, что этот византийский правитель настроил против себя влиятельные социальные группы: армию и население Константинополя. Таким образом, Маврикий изображен вполне легитимным императором, утратившим власть из-за собственных неудач. Ираклий же преподносился не только как правитель, который занял трон по закону, но и как мститель за Маврикия [8, p. 784, 808–809, 813–814]. Кроме того, Феофилакт был склонен представлять всякий мятеж как стихийный порыв неуправляемой толпы [9, p. 162–163]. Следовательно, к его сведениям об армейском мятеже 602 г. нужно относиться с осторожностью.

Дополнительная информация о мятеже 602 г. обнаруживается в созданной в IX в. «Хронографии» Феофана Исповедника. Последний при написании своего труда привлек сочинение Феофилакта Симокатты. Тем не менее Феофан донес до нас немало уникальных сведений об упомянутом восстании. Объясняется это тем, что данные о событиях на Балканах при Маврикии восходят к одному первоисточнику. Он был использован Феофилактом и анонимным автором утраченной к нашему времени хроники. Феофану Исповеднику же были знакомы труды обоих этих авторов [4, p. 121–122].

Отдельно среди греческих писателей следует упомянуть Иоанна Антиохийского. Ему приписывается дошедшая до нас во фрагментах хроника, которую можно разделить на две составляющие. Первая из них являет собой изложение человеческой истории от библейского Адама до смерти императора Анастасия I в 518 г. Вторая же часть посвящена обстоятельствам прихода Фоки к власти и его правлению. Причем заметно, что продолжение было написано другим автором, которого отличает неприязнь к Маврикию [10, p. 140–142].

Необходимо также привлечь сочинения, созданные на Ближнем Востоке. Речь идет, в первую очередь, о хронике Иоанна Никиуского, датированной концом VII в. К нашему времени

сохранился лишь ее перевод на языке геэз, который является переводом арабской версии. Последняя же восходит к греческому или коптскому оригиналу. Данные о мятеже армии во Фракии, по всей вероятности, были заимствованы Иоанном Никиуским из труда Иоанна Антиохийского. Причем информация, которая не дошла до нас в греческих извлечениях из сочинения последнего автора, обнаруживается в работе Иоанна Никиуского [10, p. 183 and n. 71].

Представляют интерес сведения не сохранившейся к нашему времени хроники Феофила Эдесского, дошедшие до нас в изложении других авторов. Извлечения из его работы содержатся в арабской «Книге титулов» Агапия Манджского IX в. Также к наследию Феофила Эдесского обращался Дионисий Тель-Махрский при создании своей хроники, большая часть которой ныне утрачена. Сведения из последней были заимствованы поздними сирийскими писателями: Михаилом Сирийцем, жившим в XII в., и анонимным автором так называемой «Хроники 1234 г.» [10, p. 194–199; 11, с. 37–40, 52–53]. Несмотря на фрагментарность содержащейся в перечисленных источниках информации, отдельные их сведения о восстании полевой армии во Фракии и узурпации Фоки имеют уникальный характер. Привлечение такого рода памятников позволяет обеспечить критический подход к той версии событий, которая была изложена Феофилактом Симокаттой.

«Точка невозврата»: причины конфликта между армией и Маврикием

Маврикию неоднократно приходилось иметь дело с солдатскими волнениями. С такой проблемой император столкнулся в 588–589 гг., когда взбунтовались войска, дислоцированные в месопотамской крепости Монокарт. Солдаты, выражая недовольство решением властей снизить воинское жалованье на четверть, изгнали военного магистра Востока Приска из армии. Следом мятежники самостоятельно избрали себе командующего, которым стал Герман, дукс Финикии Ливанской [12, p. 110–114; 13, p. 259–261]. Лишь императорский посланник Аристобул «отчасти дарами, отчасти словами смягчил неукротимость тирании», что позволило возобновить боевые действия против Ирана [12, p. 115].

На Балканском полуострове при Маврикии также происходили волнения. В 593 г. воины возмущались несправедливым разделом добычи, однако Приску, исполнявшему тогда уже обязанности военного магистра Фракии, удалось их успокоить [12, p. 233–234]. Позднее те же бойцы отказывались зимовать на вражеской

территории [12, р. 239]. Как сообщал Феофан Исповедник, в 594 г. «велел император стратигу Петру одну треть жалования золотом римлянам выдать, одну треть – оружием, оставшуюся треть – одеждой различной». Бойцы, узнав об этом, едва не взбунтовались. Тем не менее военный магистр Фракии Петр, брат императора, сумел сохранить порядок в войске [13, р. 274; ср.: 12, р. 245–247].

Очередной инцидент произошел в 598/600 г. после взятия аvaraми Дризиперы (совр. Буюк Кариштиран) и отказа Маврикия выплатить выкуп за пленных, которые затем были убиты варварами. Это привело к возмущению как жителей Константинополя, так и военных. Иоанн Антиохийский и Феофан Исповедник упоминали, что солдаты после этого отправили к Маврикию своих представителей, среди которых был Фока. Они требовали отставки военного магистра Фракии Коментиола, однако не преуспели в этом. Сам Фока был даже избит неким патрикием за грубость по отношению к императору [13, р. 280; 14, р. 546]. Что интересно, Феофилакт Симокатта об этом происшествии не сообщал.

Таким образом, в армии, размещенной во Фракии, все более копилось недовольство политикой Маврикия. Каплей, переполнившей чашу терпения, стал приказ императора провести зиму 602–603 г. за Дунаем на территории, занятой славянами, подвластными аварскому кагану. По словам Феофилакста Симокатты, таким образом византийский правитель хотел перевести армию на частичное самообеспечение и тем самым сократить государственные расходы на военные нужды. Эти новости вызвали недовольство среди солдат, которые не могли рассчитывать на богатую добычу в этой кампании, к тому же в войске была нехватка лошадей. Тем не менее армия приказу подчинилась. Только проливной дождь, шедший во время подготовки к переправе через Дунай, а затем и наступившие холода побудили бойцов отказаться повиноваться начальству.

Воины отправили к Петру восемь человек, пытаясь убедить его провести зиму в империи. Однако византийский правитель продолжал настаивать на своем, вследствие чего его брат был вынужден подчиниться. Позднее на сходке «начальники тяжеловооруженных войск» заявили Петру, что воины не желают переправляться через Дунай. Попытки командующего договориться с протестующими еще более возмутили бойцов. После этой неудачи Петр бежал в Константинополь, мятежники же подняли на щите Фоку, признав его своим предводителем (ἔξαρχος) [12, р. 293–296].

Материальный фактор играл значимую роль в армейских бунтах конца VI в. В этой связи следует упомянуть о мятеже, поднятом восточноримскими солдатами в Великой Армении в 579 г. Во время боевых действий против Ирана армия отказывалась сражаться до тех пор, пока ей не выплатил жалованье представитель Тиверия II (578–582), срочно отправленный в войско с крупной денежной суммой [15, р. 437–438]. Д. Ли связывает такие инциденты с возросшей нагрузкой на финансы империи вследствие необходимости удерживать обширные завоевания эпохи Юстиниана I (527–565) [16, р. 287–288].

Ряд исследователей заявлял о тяжелом положении византийской финансовой системы, вызванном расточительством Тиверия II. Эти историки не сомневались в том, что Маврикий стремился решить проблему бюджетного дефицита в том числе за счет сокращения воинского жалованья [2, р. 307; 4, р. 287; 6, S. 253]. Реформирование системы материального обеспечения в византийской армии в 580–590-х гг. стало предметом внимания со стороны У. Тредголда, который полностью принял версию событий, изложенную Феофилактом Симокаттой [17, р. 144–145, 147–148].

В свою очередь М. Уитби считал, что скупость Маврикия в источниках преувеличена. Более того, ни о какой зимовке за Дунаем речи не шло, планировался лишь рейд по вражеским землям. К тому же зимние набеги за Дунай были обычной практикой для восточноримской армии. Тем не менее выполнение поставленной Маврикием задачи затруднялось недостатком лошадей, поскольку воины не могли закупить достаточное их количество из-за сократившихся денежных выплат [4, р. 165–167]. В таком контексте следует привести мнение М. Хиггинса, согласно которому в конце VI в. солдаты получали только денежные выплаты; снаряжение, одежда и лошади им не выдавались [18, р. 446].

В.В. Серов полагает, что попытки Маврикия преобразовать систему снабжения армии объясняются его желанием упорядочить государственные расходы на военную сферу. Исследователь считает, что в 588 г. Маврикий постановил уменьшить натуральные платежи солдатам и заменить их выплатами в монете. Из-за волнений реформу пришлось отменить, однако уже в 594 г. было решено завершить преобразования. По мнению В.В. Серова, ориентиром для Маврикия стала политика Анастасия I (491–518), при котором была осуществлена *adaeratio annonae*, т.е. перевод воинского жалованья с натуральной основы на денежную [19, с. 35, 205–207].

Расхождения исследователей в вопросе о пременах в системе материального снабжения

византийских вооруженных сил в конце VI в. объясняются фрагментарностью информации, содержащейся в источниках. Наиболее последовательной представляется интерпретация В.В. Серова. В его работе дана обстоятельная характеристика этого аспекта военной политики Маврикия, которая связывает между собой противоречивые данные византийских авторов. Маловероятно, что упомянутый император на протяжении всего своего правления имел дело с острейшим дефицитом бюджетных средств. Напротив, отдельные сведения Феофилакта Симокатты дают В.В. Серову основание утверждать, что восточноримскому правителю удалось наполнить казну значительными богатствами [19, с. 40].

Не приходится говорить, что Маврикий преследовал политику жесткой экономии в расходах на вооруженные силы и внешнюю политику. В частности, даже в 589 г., когда еще не были в полной мере улажены разногласия с мятежной армией в Месопотамии, император оказал щедрую поддержку Гуараму I, эрисмтавару Картли. Последний должен был вторгнуться в пределы Кавказской Албании, подвластной иранским шаханшахам [20, с. 105]¹. Более того, в 591 г. успешно завершилась война с державой Сасанидов, после чего персы выплатили победителям крупные денежные суммы [21, р. 372; 22, с. 645].

Спорным видится утверждение Феофилакта Симокатты о том, что армия зимой 602/603 г. должна была самостоятельно обеспечить себя продовольствием на вражеской территории. Во-первых, боевые действия предстояло вести в такое время года, когда рассчитывать на урожай не представлялось возможным. Во-вторых, пополнение провианта многотысячной войсковой группировки оказалось бы в опасной зависимости от нерегулярных поступлений военной добычи. В исследовательской литературе упорство императора, настаивавшего на проведении зимней кампании за Дунаем, объясняется его желанием воспользоваться ослаблением Аварского каганата на рубеже VI–VII вв. Это давало Маврикию надежду нанести сокрушительный удар по позициям северного соседа [4, р. 166; 23, S. 159–162].

Упорство Маврикия кажется еще более парадоксальным с учетом того, что за его плечами был солидный боевой опыт. До интронизации он в должности военного магистра Востока руководил успешными боевыми действиями против Ирана в 577–582 гг. [24, р. 857–859]. Тем не менее нужно принять во внимание, что правителем было недовольно население Константинополя, столкнувшееся с нехваткой хлеба в начале 602 г. Вероятно, ситуация с продоволь-

ствием к концу года не изменилась, причиной чего стала летняя засуха [25, р. 316]. Не исключено, что Маврикий рассчитывал упрочить свой авторитет, организовав празднества по случаю победы над ослабшим Аварским каганатом. Примечательно в этом контексте, что император, узнав о начале армейского бунта, распорядился организовать игры на ипподроме, чтобы отвлечь жителей Константинополя от тревожных новостей [12, р. 296; 13, р. 287].

Трудно определить численность войска, которое предполагалось переправить через Дунай. По нашему мнению, в земли славян должна была вторгнуться только часть мобильной армии, размещенной во Фракии. Все-таки речь шла не о полноценной кампании, в ходе которой предстояли сражения со значительными по численности вражескими войсками, а о рейде по неприязненным территориям. В этой связи необходимо обратить внимание на главу «Стратегикона» Маврикия, в которой даны рекомендации о построении армии в битве. Максимальная ее численность определялась составителем трактата в 15 тыс. бойцов и более, минимальная – в 5–6 тыс. [26, S. 170]. Именно на последние цифры следует ориентироваться при оценке числа воинов, которым предстояло вести бои против авар и славян зимой 602/603 г. Логично полагать, что позднее возмущение перекинулось на другие отряды.

У.Э. Кэги отметил, что после окончания византийско-персидской войны 572–591 гг. во Фракию были передислоцированы крупные силы. При этом он считал, что служба в Подунавье была своеобразной штрафной мерой, поскольку климатические условия этого региона гораздо менее комфортны в сравнении с Востоком [3, р. 102, 112]. Известен эдикт Юстиниана I, согласно которому воины, провинившиеся при сборе налогов в Египте, переводились на дунайскую границу [27, р. 785]. Тем не менее внешнеполитическая обстановка на Балканском полуострове на рубеже VI–VII вв. требовала размещения в этом регионе многочисленной войсковой группировки. Следовательно, доля воинов, оказавшихся во Фракии из-за каких-либо провинностей, в восставшей армии была весьма невелика.

Нужно, однако, учесть высокую вероятность того, что среди переведенных во Фракию сил были части, принимавшие участие в мятеже 588–589 гг. Бунтовщики, находившиеся в составе этих отрядов, сумели добиться выполнения своих требований и, по всей видимости, избежали серьезных наказаний. У.Э. Кэги отнес к дестабилизирующим факторам принудительное переселение армян во Фракию в конце VI в.

Псевдо-Себеос упоминал, что многие нахарары (представители аристократических семейств), возмущенные этим решением, перешли на службу к шаханшаху Хосрову II (590–628) [28, с. 45]. Это явно свидетельствует о том, что армяне были недовольны мерами Маврикия [3, р. 103].

Нахождение армян в восставшей армии видится вполне вероятным. В конце VI в. они в значительных масштабах привлекались в византийскую армию и активно участвовали в боях против авар [1, с. 125; 28, с. 48–49]. В мятежном войске, по всей видимости, находились лангобардские наемники. Один из них, Гудуин, занимал пост ипостратига [12, р. 293; 24, р. 561–562]. Вероятно, в армии числились аварские перебежчики, чья измена обеспокоила кагана Баяна I [12, р. 293]. Тем не менее можно полагать, что в рядах бунтовщиков преобладали уроженцы империи. Среди них были не только добровольцы и сыновья ветеранов, но также лица, зачисленные в армию в ходе принудительного набора. Масштабные конскрипционные меры были предприняты в конце 580-х гг. из-за недостатка солдат во время войны с аварами [21, р. 361–362].

Таким образом, в воинской среде постепенно накапливалось недовольство политикой Маврикия. В армейских частях, сосредоточенных во Фракии, находилось значительное число лиц, по разным причинам недовольных византийскими властями: от вопросов, касающихся выплаты жалованья, до вынужденного переселения на северную границу империи. Кроме того, командиры среднего звена осознавали, что войско не в состоянии выполнить поставленную перед ним задачу, а именно совершить набег на места обитания славян. Нежелание императора соглашаться с их доводами привело к возмущению в армии. Следствием такого развития событий стал отказ солдат и командиров повиноваться византийскому правителю.

Империя на перепутье: претенденты на трон и армейское сообщество

У.Э. Кэги отметил, что одной из причин бунта стала утрата коммуникации между войсками и императором [3, р. 114]. Следовательно, восставшим нужно было определиться, кто должен представлять их интересы. Как уже отмечалось, Фока был поднят на щите мятежными солдатами. Такой акт обычно сопровождал инаугурацию ранневизантийских правителей. Однако нет оснований утверждать, что Фока уже тогда был провозглашен императором [6, S. 271]. Феофилакт Симокатта упомянул, что далее войско предложило взять власть старшему сыну Маврикия Феодосию или Герману, тестю последне-

го. Об этом стало известно императору, который сумел изолировать их от бунтовщиков [12, р. 297–299].

Версия Феофилакта противоречит сведениям ближневосточных авторов. Агапий Манбиджский писал, что Маврикий после победы над персами в 591 г. прекратил выдачу жалованья. Через какое-то время в Гераклее (очевидно, Фракийской, совр. Мармара Эреглиси) собрался совет патрикиев, которые вместо Маврикия захотели видеть императором его брата Петра. Последний, однако, отказался от предложения и бежал. По этой причине выбор заговорщиков пал на патрикия Фоку, который и стал новым византийским правителем [29, р. 447–448]. Сходная информация содержится в сирийской историографии [21, р. 375; 22, с. 646–647].

Представляется вполне логичным, что первым среди кандидатов на императорский пурпур, на которого рассчитывала мятежная армия, был именно Петр, занимавший должность военного магистра Фракии в 594–595 и 601–602 гг. [24, р. 1009–1010]. Феофилакт Симокатта не упоминал о сделанном ему предложении, однако получить его Петр мог только до того, как покинул расположение войска. Следующим кандидатом на трон стал Феодосий, старший сын Маврикия. Он являлся соправителем своего отца: с 587 г. как цезарь, а с 588 г. как август [30, р. 217–218].

По нашему мнению, то, что первоначально мятежники искали кандидатов на императорский трон среди ближайших родственников Маврикия, объясняется их стремлением обеспечить законный характер желаемых перемен. Нахождение такой фигуры, которая устраивала бы все политические силы в империи, позволяло избежать потрясений в государстве. Авторитет Петра, достигнутый благодаря победам над аварами, должен был подкрепляться родством с императором. Феодосий, которому 4 августа 602 г. исполнилось 17 или 19 лет [24, р. 1293], не обладал таким признанием. Тем не менее в глазах бунтовщиков он выделялся вполне приемлемой кандидатурой после отказа Петра, поскольку был старшим сыном правителя. Герман же первоначально мог рассматриваться как регент при Феодосии.

Маврикием были недовольны и обитатели Константинополя. Из-за нехватки хлеба на Рождество в 602 г. в городе произошли беспорядки [12, р. 291]. В ноябре того же года снова начались волнения, что вынудило Маврикия покинуть столицу и перебраться на корабле в Халкидон (совр. Кадыкёй, район Стамбула) [12, р. 300–301]. Оборона Константинополя от восставшей армии была поручена отрядам ди-

мотов, т.е. ополчению, состоявшему из членов цирковых факций. Однако прасины, одна из партий ипподрома, открыли ворота перед войском [12, р. 301–302]. Вслед за тем Фока был провозглашен императором, несмотря на то, что сам он желал видеть на троне Германа [12, р. 302–304].

О происхождении самого Германа ничего не известно. По мнению Р. Пфайльшифтера, он мог быть внучатым племянником Германа, двоюродного брата Юстиниана I, и Матасунты, внучки остготского короля Теодориха Великого. Принадлежность к знатной семье делала Германа вполне приемлемой кандидатурой на императорский трон. Впрочем, он не сумел заручиться поддержкой прасинов во время беспорядков в Константинополе, что поставило крест на его амбициях [12, р. 301–302]. Прасины симпатизировали Фоке, дав ему возможность захватить власть [6, S. 271–273; 11, с. 172–173].

Представляет интерес информация Иоанна Никиуского. По его словам, воины, узнав о беспорядках в Константинополе, решили добиться от императора уступок при выплате жалованья. Однако впоследствии они изменили планы и, бросив жребий, провозгласили императором Фоку, одного из четырех предводителей восстания [31, р. 164]². Таким образом, после того, как стало ясно, что Петр, а затем и Феодосий не хотят или не могут править империей, мятежники стали искать кандидатуру в своей среде. Следовательно, можно утверждать, что Фока первоначально даже не задумывался об императорском пурпуре. Однако поддержка солдат и симпатии прасинов дали ему возможность захватить трон.

Итак, отъезд Петра в Константинополь привел к тому, что Маврикий полностью утратил контакт с войском. Вместе с ним бежали «начальники тяжеловооруженных войск», которые могли быть близки к нему. Кроме того, Феофилакт Симокатта писал, что ранее упоминавшийся ипостратиг Гудуин был шокирован недовольством солдат [12, р. 294–296]. Вероятно, Гудуин, как и другие чужеземные иммигранты в первом поколении, имел тесные связи с окружением императора, которому был обязан своим положением. Лишившись поддержки со стороны покровителей, чужеземцы не могли оказать серьезного влияния на ход событий.

П. Магдалино заявил, что в последней четверти VI в. в Византии произошел раскол элит, выразившийся в противоборстве между «каппадокийской» и «балканской» партиями [32, с. 20–23]. Речь идет о соперничестве между родственниками и земляками Маврикия с одной стороны и семьями, которые возвысились при Юстине I (518–527) и его преемниках, с другой. Выходцы

из Фракии и Иллирика к тому же пользовались колоссальным влиянием в армии на протяжении всего позднеантичного периода, и нет оснований полагать, что они утратили его к концу VI в. Маврикий же был известен своим непотизмом – на высшие командные должности он зачастую назначал лиц из ближайшего окружения. Как правило, отношение воинов к ним было неприязненным [33, с. 237]. Вероятно, именно представители «балканской» партии среди командного состава выдвинули Фоку. О том, что это были знатные лица, свидетельствует Агапий Мавридский, согласно которому патрикий Фока был поддержан другими патрикиями [29, р. 448].

Феофилакт Симокатта писал, что в тот момент, когда армия подняла на щите Фоку, последний был лишь гекатонтархом (ἑκατόνταρχος), т.е. начальником сотни [12, р. 296]. В «Пасхальной хронике» он и вовсе назван солдатом (στρατιώτης) [34, р. 693]. Однако франкский хронист Фредегар упомянул, что Фока был патрикием [35, р. 129]. Из жития св. Феодора Сикеонского известно, что патрикием был и его отчим Сергей [36, р. 96]. Таким образом, узурпатор являлся членом знатного семейства, к тому же ему был пожалован престижный титул. Это значит, что Фока обладал высоким социальным статусом и никак не мог быть низкоранговым командиром [24, р. 1030–1031].

Как отметил Д. Олстер, недовольны Мавриkiem были не только армия, горожане Константинополя, но и сенаторы [5, р. 32–35]. Кроме того, императору не хватило поддержки со стороны Церкви. В январе 602 г. умер епископ Мелитены Дометиан, родственник и ближайший советник Маврикия, пользовавшийся существенным влиянием в правящих кругах империи [4, р. 25]. Кириак II, патриарх Константинопольский, при захвате византийской столицы Фокой бежал в пригород Евдом [12, р. 301; 13, р. 288–289]. Это явно свидетельствует о его неспособности оказать влияние на ход событий. Между тем, когда в 588 г. восстало войско в Монокарте, именно вмешательство Григория I, патриарха Антиохийского, позволило спасти империю от междоусобной войны [5, р. 44].

27 ноября 602 г. Маврикий был убит в Халкидоне солдатами, отправленными Фокой. Вместе с ним были умерщвлены его сыновья и Петр [12, р. 304–305, 308–309]. Германи, однако, сторонники Фоки жизнь сохранили [13, р. 293]. Не исключено, что Феодосий избежал гибели – восточносирийские, армянские и мусульманские авторы свидетельствуют о его спасении. Ф. Бут считает последнее вполне вероятным. Греческие и западносирийские источники же сообщают, что Феодосий был убит верными

Фоке людьми спустя некоторое время после гибели Маврикия [8, р. 798, 803–807].

Примечательно, что Феодосий III, или лже-Феодосий, получил поддержку шаханшаха Хосрова II. Также его признал военный магистр Востока Нарсес. Последний даже организовал коронацию Феодосия III в Эдессе (совр. Шанлыурфа) [28, с. 63; ср.: 13, р. 291; 22, с. 647–648]. Это значит, что восточная армия сохранила верность сыну Маврикия, отказавшись присягать Фоке. Такое решение привело к гражданской войне и, более того, вторжению персов, решивших обратиться в свою пользу смуту в империи. Следует заметить, что перед личным составом воинских частей, подчиненных военному магистру Востока, обозначилась проблема как политического, так и морального характера. Им необходимо было определиться, чья власть имела наиболее легитимные основания: Феодосия III или Фоки.

Заключение

События ноября 602 г. оказались проверкой на прочность для обязательств, которые давали воины, присягая императору Маврикию и его сыну Феодосию. В этих условиях перед армейским сообществом обозначилась необходимость сделать сложный выбор. В глазах бойцов Маврикий утратил свой авторитет из-за своих не вполне продуманных решений. Стремление преобразовать структуру материального снабжения и без того негативным образом отразилось на репутации правителя в войсках. Однако непоправимый ущерб ей нанесло нежелание императора соглашаться с доводами воинов, указывавших на проблематичность ведения зимней кампании за Дунаем. К тому же значительная часть командного состава не доверяла высшему начальству, которому покровительствовал правитель.

Нельзя сказать, что взбунтовавшееся войско было аморфным объединением. Источники, восходящие к Феофилу Эдесскому, и Иоанн Никиуский свидетельствовали о том, что восставшая армия действовала последовательно и организовано. Ее лидер – патрикий Фока – получил поддержку большей части армейских командиров. Кстати, заметно сходство между воинскими бунтами 588–589 и 602 гг. – в обоих случаях мятежники самостоятельно избирали нового командующего из своей среды. При этом в 602 г. воины пытались найти компромиссные варианты выхода из непростой ситуации, предлагая императорский пурпур ближайшим родственникам Маврикия. Однако Петр и Феодосий не смогли или не захотели становиться на сторону восставших. Такая ситуация стала своеобраз-

ной «точкой невозврата», побудив мятежников выдвинуть кандидата из числа военных.

Исследование проведено при поддержке РФФ, проект № 20-18-00240 «Этика войны в странах православной культуры: осмысление индивидуального опыта и реконструкция нормативной модели поведения».

Примечания

1. Значительные суммы также выделялись Мавриkiem на обеспечение внешнеполитических мероприятий в Италии, Илирике и Фракии [2, р. 309–310].
2. Среди других лидеров мятежа известны Александр и Лиллий [12, р. 304; 13, р. 289; 14, р. 548; 24, р. 46–47, 793].

Список литературы

1. Острогорский Г.А. История Византийского государства / Пер. с нем. М.В. Грацианского; ред. П.В. Кузенков. М.: Сибирская Благовонница, 2011.
2. Jones A.H.M. The Later Roman Empire, 284–602: A Social, Administrative and Economic Survey. Vol. 1. Oxford: B. Blackwell, 1964.
3. Kaegi W.E. Byzantine Military Unrest 471–843. An Interpretation. Amsterdam: A.M. Hakkert, 1981.
4. Whitby M. The Emperor Maurice and his Historian: Theophylact Simocatta on Persian and Balkan Warfare. Oxford: Clarendon Press, 1988.
5. Olster D.M. The Politics of Usurpation in the Seventh Century: Rhetoric and Revolution in Byzantium. Amsterdam: A.M. Hakkert, 1993.
6. Pfeilschifter R. Der Kaiser und Konstantinopel. Kommunikation und Konfliktaustrag in einer spätantiken Metropole. Berlin; Boston: W. De Gruyter, 2013.
7. Meier M. Kaiser Phokas (602–610) als Erinnerungsproblem // Byzantinische Zeitschrift. 2014. Bd. 107. Hf. 1. S. 139–174.
8. Booth Ph. The Ghost of Maurice at the Court of Heraclius // Byzantinische Zeitschrift. 2019. Bd. 112. Hf. 3. S. 781–826.
9. Krivouchine I.V. La révolte près de Monocarton vue par Évagre, Théophylacte Simocatta et Théophane // Byzantion. 1993. Vol. 63. P. 154–172.
10. Howard-Johnston J. Witnesses to a World Crisis: Historians and Histories of the Middle East in the Seventh Century. Oxford: Oxford University Press, 2010.
11. Пигулевская Н.В. Византия и Иран на рубеже VI и VII веков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946.
12. Theophylacti Simocattae Historiae / Ed. C. de Boor. Lipsiae: B.G. Teubner, 1887.
13. Theophanis Chronographia. Vol. 1 / Rec. C. de Boor. Lipsiae: B.G. Teubner, 1883.
14. Ioannis Antiocheni Fragmenta ex Historia chronica / Introd., ed. critica e trad. a cura di U. Roberto. Berlin; New York: W. De Gruyter, 2005.
15. The Third Part of the Ecclesiastical History of John, Bishop of Ephesus / Transl. by R. Payne Smith. Oxford: Oxford University Press, 1860.
16. Lee A.D. Food Supply and Military Mutiny in the Late Roman Empire // Journal of Late Antiquity. 2019. Vol. 12, No. 2. P. 277–297.

17. Treadgold W.T. *Byzantium and its Army*, 284–1081. Stanford: Stanford University Press, 1995.
18. Higgins M.J. Note on the Emperor Maurice's Military Administration // *Analecta Bollandiana*. 1949. Vol. 67. P. 444–446.
19. Серов В.В. Чрезвычайный бюджет Византии в VI веке (опыт историко-политико-экономического исследования). Барнаул: Азбука, 2010.
20. Джуаншер Джуаншеряни. Жизнь Вахтанга Горгасала / Пер. Г.В. Цулая // *Картлис Цховреба. История Грузии* / Под ред. Р. Метревели. Тбилиси: Артануджи, 2008. С. 75–134.
21. *Chronique de Michel le Syrien, patriarche jacobite d'Antioche (1166–1199)*. Т. 2 / Éd. et trad. en français par J.-B. Chabot. Paris: E. Leroux, 1901.
22. Из анонимной сирийской хроники 1234 г. // Пигулевская Н.В. Сирийская средневековая историография: Исследования и переводы. СПб.: Д. Буланин, 2000. С. 642–676.
23. Pohl W. *Die Awaren: Ein Steppenvolk im Mitteleuropa, 567–822 n. Chr.* München: C.H. Beck, 1988.
24. *The Prosopography of the Later Roman Empire*. Vol. 3A–B / Ed. by J.R. Martindale. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
25. Preiser-Kapeller J. *The Climate of the Khagan: Observations on Palaeoenvironmental Factors in the History of the Avars (6th–9th Century)* // *Lebenswelten zwischen Archäologie und Geschichte: Festschrift für Falko Daim zu seinem 65. Geburtstag* / Hrg. von J. Drauschke [et al.]. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2018. P. 311–324.
26. *Das Strategikon des Maurikios* / Ed. G.T. Dennis; übers. von E. Gamillscheg. Vindobonae: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1981.
27. *Corpus iuris civilis*. Vol. 3 / Rec. R. Schoell. Berolini: Weidmann, 1912.
28. *История епископа Себеоса* / Пер. С. Малхасянца. Ереван: Тип. АрмФАН'а, 1939.
29. *Kitab al-'Unvan: Historie universelle par Agapius (Mahboub) de Menbidj* / Éd. et trad. par A. Vasiliev // *Patrologia Orientalis*. Т. 8. Paris: Firmin-Didot, 1912. P. 397–550.
30. *Ioannis abbatis Biclarenensis Chronica* // *Chronica minora*. Saec. IV, V, VI, VII. Т. 2 / Ed. Th. Mommsen. Berolini: Weidmann, 1894. P. 207–220.
31. *The Chronicle of John, Bishop of Nikiu* / Transl. from Zotenberg's Ethiopic text by R.H. Charles. London; Oxford: Williams & Norgate, 1916.
32. Магдалино П. Каппадокия и Константинополь в VI в. // *Византий и Византия: провинциализм столицы и столичность провинции* / Под ред. А. Виноградова, С. Иванова. СПб.: Алетейя, 2011. С. 10–24.
33. Глушанин Е.П. *Военная знать ранней Византии*. Барнаул: Алтайское кн. изд-во, 1991.
34. *Chronicon Paschale ad exemplar Vaticanum*. Vol. 1 / Rec. L. Dindorf. Bonnæ: Ed. Weber, 1832.
35. *Fredegarii et aliorum Chronica. Vitae sanctorum* / Ed. B. Krusch. Hannoverae: Hahn, 1888.
36. *Vie de Théodore de Sykéon* par Georges le Moine. Т. 1 / Éd. par A.J. Festugière. Bruxelles: Société des Bollandistes, 1970.

**THE MILITARY MUTINY OF 602 AND THE USURPATION OF PHOCAS:
AN EASTERN ROMAN ARMY FACES THE PROBLEM OF POLITICAL CHOICE**

A.D. Nazarov

The article analyzes the actions of an army that rebelled in Thrace against the Byzantine emperor Maurice in 602. The reasons for the mutiny, as well as the relationship between the rebels and candidates for the imperial throne, were the subject of research. The author, in addition to Greek sources, drew on the works of Middle Eastern authors. This made it possible to clarify the sequence of events that took place in Byzantium during the political crisis in the fall of 602.

Keywords: Eastern Roman empire, Byzantium, Byzantine army, military mutiny.

References

1. Ostrogorsky G.A. *The History of the Byzantine State* / Translated from German by M.V. Gratsiansky; ed. by P.V. Kuzenkov. M.: Siberian Blagozvonitsa, 2011.
2. Jones A.H.M. *The Later Roman Empire, 284–602: A Social, Administrative and Economic Survey*. Vol. 1. Oxford: B. Blackwell, 1964.
3. Kaegi W.E. *Byzantine Military Unrest 471–843. An Interpretation*. Amsterdam: A.M. Hakkert, 1981.
4. Whitby M. *The Emperor Maurice and his Historian: Theophylact Simocatta on Persian and Balkan Warfare*. Oxford: Clarendon Press, 1988.
5. Olster D.M. *The Politics of Usurpation in the Seventh Century: Rhetoric and Revolution in Byzantium*. Amsterdam: A.M. Hakkert, 1993.
6. Pfeilschifter R. *Der Kaiser und Konstantinopel. Kommunikation und Konfliktaustrag in einer spätantiken Metropole*. Berlin; Boston: W. De Gruyter, 2013.
7. Meier M. Kaiser Phokas (602–610) als Erinnerungsproblem // *Byzantinische Zeitschrift*. 2014. Bd. 107. Hf. 1. S. 139–174.
8. Booth Ph. The Ghost of Maurice at the Court of Heraclius // *Byzantinische Zeitschrift*. 2019. Bd. 112. Hf. 3. S. 781–826.
9. Krivouchine I.V. La révolte près de Monocarton vue par Évagre, Théophylacte Simocatta et Théophane // *Byzantion*. 1993. Vol. 63. P. 154–172.
10. Howard-Johnston J. *Witnesses to a World Crisis: Historians and Histories of the Middle East in the Seventh Century*. Oxford: Oxford University Press, 2010.
11. Pigulevskaya N.V. *Byzantium and Iran at the turn of the VI and VII centuries*. M.; L.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1946.
12. *Theophylacti Simocattae Historiae* / Ed. C. de Boor. Lipsiae: B.G. Teubner, 1887.
13. *Theophanis Chronographia*. Vol. 1 / Rec. C. de Boor. Lipsiae: B.G. Teubner, 1883.

14. Ioannis Antiocheni Fragmenta ex Historia chronica / *Introductio, ed. critica e trad. a cura di U. Roberto*. Berlin; New York: W. De Gruyter, 2005.
15. The Third Part of the Ecclesiastical History of John, Bishop of Ephesus / *Transl. by R. Payne Smith*. Oxford: Oxford University Press, 1860.
16. Lee A.D. Food Supply and Military Mutiny in the Late Roman Empire // *Journal of Late Antiquity*. 2019. Vol. 12, No. 2. P. 277–297.
17. Treadgold W.T. Byzantium and its Army, 284–1081. Stanford: Stanford University Press, 1995.
18. Higgins M.J. Note on the Emperor Maurice's Military Administration // *Analecta Bollandiana*. 1949. Vol. 67. P. 444–446.
19. Serov V.V. The extraordinary budget of Byzantium in the VI century (the experience of historical, political and economic research). Barnaul: ABC, 2010.
20. Juansher Juansheriani. The Life of Vakhtang Gorgasal / *Per. G.V. Tsulai // Kartlis Tskhovreba. History of Georgia / Edited by R. Metreveli*. Tbilisi: Artanuji, 2008. P. 75–134.
21. Chronique de Michel le Syrien, patriarche jacobite d'Antioche (1166–1199). T. 2 / *Éd. et trad. en français par J.-B. Chabot*. Paris: E. Leroux, 1901.
22. From the anonymous Syrian Chronicle of 1234 // *Pigulevskaya N.V. Syriac medieval historiography: Studies and translations*. St. Petersburg: D. Bulanin, 2000. P. 642–676.
23. Pohl W. Die Awaren: Ein Steppenvolk im Mitteleuropa, 567–822 n. Chr. München: C.H. Beck, 1988.
24. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. 3A–B / *Ed. by J.R. Martindale*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
25. Preiser-Kapeller J. The Climate of the Khagan: Observations on Palaeoenvironmental Factors in the History of the Avars (6th–9th Century) // *Lebenswelten zwischen Archäologie und Geschichte: Festschrift für Falko Daim zu seinem 65. Geburtstag / Hrsg. von J. Drauschke [et al.]*. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2018. P. 311–324.
26. Das Strategikon des Maurikios / *Ed. G.T. Dennis; übers. von E. Gamillscheg*. Vindobonae: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1981.
27. *Corpus iuris civilis*. Vol. 3 / *Rec. R. Schoell*. Berolini: Weidmann, 1912.
28. The history of Bishop Sebeos / *Transl. by S. Malkhasyants*. Yerevan: Armfan Type, 1939.
29. Kitab al-'Unvan: Historie universelle par Agapius (Mahboub) de Menbidj / *Éd. et trad. par A. Vasiliev // Patrologia Orientalis*. T. 8. Paris: Firmin-Didot, 1912. P. 397–550.
30. Ioannis abbatis Biclarensis Chronica // *Chronica minora*. Saec. IV, V, VI, VII. T. 2 / *Ed. Th. Mommsen*. Berolini: Weidmann, 1894. P. 207–220.
31. The Chronicle of John, Bishop of Nikiu / *Transl. from Zotenberg's Ethiopic text by R.H. Charles*. London; Oxford: Williams & Norgate, 1916.
32. Magdalena P. Cappadocia and Constantinople in the VI century // *Byzantium and Byzantium: provincialism of the capital and the capital of the province / Edited by A. Vinogradov, S. Ivanov*. St. Petersburg: Aleteya, 2011. P. 10–24.
33. Glushanin E.P. Military nobility of early Byzantium. Barnaul: Altai Publishing House, 1991.
34. *Chronicon Paschale ad exemplar Vaticanum*. Vol. 1 / *Rec. L. Dindorf*. Bonnæ: Ed. Weber, 1832.
35. *Fredegarii et aliorum Chronica. Vitae sanctorum / Ed. B. Krusch*. Hannoverae: Hahn, 1888.
36. Vie de Théodore de Sykéon par Georges le Moine. T. 1 / *Éd. par A.J. Festugière*. Bruxelles: Société des Bollandistes, 1970.